

Э. Л. Дубман

ЖИГУЛЕВСКИЕ ГОРЫ. ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ

В статье сделана попытка выяснить, когда и как появился топоним «Жигулевские горы», выявить этимологию термина «Жигули». При изучении вопроса были использованы архивные материалы, записки средневековых путешественников, послов, купцов; летописи, географические карты XVI—XVIII вв., сборники опубликованных документов, словари русского языка, исследования современных авторов.

Существует несколько предположений о времени появления и происхождении названия Жигулевских гор. П. С. Паллас, руководитель Оренбургской академической экспедиции, считал, что свое название горы получили в XVIII в. от русского села Жигулевки, расположенного на Самарской Луке у начала горного массива¹. С Палласом были солидарны составители крупнейших географических словарей Российской государства конца XVIII—XIX вв. А. Щекатов, П. П. Семенов² и другие.

Попытки более глубокого подхода к вопросу, стремление выяснить этимологию понятия и топонима относятся уже к настоящему времени. По мнению В. А. Никонова, термин «Жигули» произошел от слов «жиг» («жиг в лес и поминай как звали»³), «жега» (брань, ссора), «жиган» (беглый, каторжник). В. А. Никонов пишет, что в XVI—XVIII вв. леса и горы Самарской Луки были убежищем для беглых, «вольных людей», жиганов. Отсюда и произошло название гор⁴.

Действительно, топонимы с корнем «жиг», «жег» — производные от вышеперечисленных понятий — в XVII—XIX вв. имели широкое распространение. Например, в Центральной России деревни Жигановка, Жиганово, Жигановский лес. В Сибири был даже город Жиганск⁵. Однако такая форма топонима, как «жи(е)гул» встречается крайне редко. Кроме как на территории Самарской Луки, его удалось обнару-

¹ См.: Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Спб., 1809, ч. 1, с. 292.

² См.: Щекатов А. Словарь географический Российского государства... Собран и издан Афанасием Щекатовым. М., 1804, ч. 2, стб. 489; Всеобщий географический и статистический словарь. М., 1843, ч. 2, с. 115; Семенов П. Географо-статистический словарь Российской империи. Спб.: Изд. имп. Русского географического о-ва. 1865, т. 2, с. 221—222.

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981, т. I, с. 537.

⁴ См.: Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966, с. 140.

⁵ См.: Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1961, ч. 3, с. 215, 217, 350; Очерки истории СССР. Период феодализма XVIII в. М., 1955, с. 850; Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. М., 1974, с. 225; Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1956, т. IV, ч. 2, с. 207 и др.

жить только дважды. Приведем эти случаи. В относящейся к 1629 г. «Раздельной имущества пермских владений Аники Строганова» межа шла «...по Яйве (приток Камы. — Э. Д.) вверх до Жигулева перебора»¹. Еще одна деревня Жигулевка или Жигулиха была основана где-то между 1678 и 1707 гг. в Симбирском уезде, 25 км западнее г. Симбирска, на реке Сухой Бирюч². Деревня упоминается также в «Списках населенных мест» по Симбирской губернии второй половины XIX в³. Возможно, это поселение генетически связано с с. Жигулевка на Самарской Луке.

Иное объяснение происхождения понятия приводит Ш. З. Бахтиев. Анализируя язык болгар — господствующей народности средневекового государства Восточной Европы — Волжской Болгарии, — джекающий говор тюркской языковой группы, Ш. З. Бахтиев находит в нем такие слова, как «джигули» — запряженный, «джигу» — запрягать. Так, по его мнению, называли средневекового волжского бурлака — «джигуль». Ш. З. Бахтиев предполагает, что на южной границе Волжской Болгарии, в районе Самарской Луки, на стыке торговых путей существовало древнее переволочное поселение, где и жили «бурлаки» — «джигули»⁴. При устном освоении другими народами это название трансформировалось в «Жигули».

Существенным недостатком работы Ш. З. Бахтиева является то, что, основываясь на лингвистических методах, автор фактически игнорирует конкретно-исторический материал. Это приводит к натяжкам в системе доказательств. Например, название запряженных судорабочих «джигули», «джигуль» нигде в документальных источниках не встречается. В русском языке этих судорабочих в XVI—XVII вв. называли «гулящие ярыжные» или просто «ярыжные», в XVIII в. это название исчезает и появляются «работные люди», «судовые наймиты», «бурлаки». Последнее понятие получило широкое распространение именно для волжских судорабочих. Специалисты по истории бурлачества считают, что этот термин как раз и имеет тюркское происхождение и восходит к татарскому «буйдак» — холостой, бездомный⁵. Пытаясь подтвердить свою гипотезу этимологии названия судорабочих — «джигули» примерами широкого распространения в среде волжского работного люда в XVIII — начале XX вв. ряда терминов тюркского происхождения, таких, как «бурундук», «батыр», «саломата», «рундук» и т. д., Ш. З. Бахтиев невольно достигает иного результата. Этим он в первую очередь доказывает тюркское происхождение понятия «бурлак»⁶.

¹ ДАИ, т. II, № 56, с. 98.

² См.: Центральный Государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 237, оп. I, ч. 2, д. 2145, 1707 г., л. 59.

³ См.: Списки населенных мест Российской империи, т. XXXIX (Симбирская губерния). Спб., 1863, с. 6.

⁴ Бахтиев Ш. З. К этимологии названия «Жигули» и некоторых терминов судоходства тюркоязычного происхождения. — Советская тюркология. 1974, № 2, с. 62—65.

⁵ См.: Родин Ф. Н. Бурлачество в России. М., 1975, с. 16.

⁶ См.: Бахтиев Ш. З. К этимологии... с. 63.

Рассмотрев точки зрения В. А. Никонова и Ш. З. Бахтиева, можно сделать общий вывод. Исследователи не смогли связать лингвистический анализ понятия с конкретно-историческим изучением появления и развития его в данной местности. Этот недостаток как раз и пытается преодолеть автор настоящей статьи.

В настоящее время под Жигулевскими горами понимают расположенную на Самарской Луке часть общей возвышенности, тянущейся вдоль правого берега р. Волги. Жигулевские горы начинаются выше старинного села Усолья и несколькими горными грядами доходят почти до широты г. Куйбышева. Сравнительно невысокие (до 370 м), но обрывистые и крутые к Волге, поросшие густым лесом, они, особенно с реки, производят впечатление настоящей горной цепи.

Название гор в документальных источниках удается проследить только с начала XVI в. Несомненно, что у населения Волжской Болгарии, Золотой Орды, Казанского ханства, у многочисленных послов, путешественников, купцов должно было отложиться какое-то обозначение для столь заметного и обособленного географического объекта. Достаточно сказать, что на территории Самарской Луки, в непосредственной близости с Жигулями в XII — XIII вв. находился один из крупнейших городов Волжской Болгарии¹.

Некоторые исследователи пытаются ассоциировать с Жигулями так называемые Печенежские горы, название которых встречается у восточных авторов («Худуд ал-Алем» — анонимный персидский автор X в.)². Однако, по мнению Б. А. Рыбакова, этот топоним скорее всего относится к хопро-донскому водоразделу, а не к Приволжской возвышенности³. С известной осторожностью можно отнести к Самарской Луке и горам, находящимся на ее территории, еще одно место из книг средневековых авторов. В описании сражения войск Тимура и Тохтамыша на Кондурче в июне 1391 г. говорится, что после победы Тимур остановился лагерем на одном из островов Волги, носившем имя Уртюбе. Здесь Тимур в течение 26 дней приводил в порядок свои войска. Отряды его армии грабили окрестности, возвращаясь в лагерь с «бесчисленной добычей»⁴. Армия Тимура, даже значительно поредевшая после кровопролитного сражения, насчитывала не менее нескольких десятков тысяч. А если учесть обозы, пленных, богатую добычу, то становится ясно, что никакой волжский остров не смог бы вместить такое количество людей, лошадей и скота. Возможно, Тимур расположил свой лагерь именно на Самарской Луке. Почти со всех сторон окруженная водой, территория Самарской Луки вполне могла показаться очевидцу островом. В пользу этого предположения говорит и название «острова».

¹ См.: Матвеева Г. И. Археологические памятники железного века на территории Куйбышевской области. Куйбышев, 1980, с. 53—57.

² См.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982, с. 190, 213—215; Черменский П. Н. Народ буртасы по известиям восточных писателей и данным топонимики. — Вопросы географии. 1970, вып. 83, с. 86.

³ См. Рыбаков Б. А. Киевская Русь..., с. 219—223.

⁴ Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, 1941, т. 2, с. 172.

Общетюркское «тёбе» или «тонь» означает холм, невысокую возвышенность, предгорье¹. В тюркских языках также встречается основа «ур». Например, башкирское «урлзу» — подниматься вверх, извиваться между горами; «урау» — обвивать (оз. Ургун, р. Урлянда, р. Урал и др.)². Название острова, следовательно, можно истолковать как «обвитые (водой) холмы». Высоких холмистых островов на Волге практически нет, поэтому топоним «уртюбе» скорее всего указывает на Самарскую Луку и Жигулевские горы.

Первые прямые сведения о названиях горных хребтов Приволжской возвышенности удалось обнаружить в «Казанской истории», написанной в 60-х гг. XVI в. Автор летописи пишет: «...на Волге, под горами Девичими и до Змиева камня и до Увека»³. «Змиев камень» или «Змиевы горы» тянулись по правобережью от г. Вольска и почти до Саратова. Сложнее обстоит дело с определением местонахождения Девичих гор. В более поздних источниках под Девичими подразумеваются горы, находившиеся на Самарской Луке ниже впадения в Волгу р. Усы и, значительно реже, гряда гор, лежащая между современными городами Хвалынском и Вольском⁴.

В документах конце XVI — начала XVII в. не раз упоминаются Змеевы, Казачьи (несколько ниже будущей Сызрани), Шелехметские (на Самарской Луке у д. Шелехметь) горы⁵.

Географические сведения о приволжских возвышенностях, накопленные до начала XVII в., подытожены в «Книге Большому чертежу» и в «Описании путешествия...» Адама Олеария.

Создатели «Большого чертежа» и комментариев к нему — «Книги Большому чертежу» хорошо знали районы Среднего Поволжья. В одном из списков «Книги...» (скорее всего, он был сделан непосредственно с чертежа) перечисляются горы, лежащие на правобережье Волги от устья р. Свияги и до Царицына: «...Юрьевы, и Девичьи, и Змеевы, и Корованные горы белого камня». Более подробного описания авторы книги не делают⁶.

Секретарь голштинского посольства А. Олеарий, посетивший Среднее Поволжье в середине 30-х годов XVII в., оставил после себя описание тех мест, где бывал. Все сведения были получены им от местных жителей, судовых рабочих, купцов, лоцманов, местных властей. По дан-

¹ См.: Баскаков Н. А. Географическая номенклатура в топонимии Горного Алтая. — В кн.: Топонимика Востока. Исследования и материалы. М., 1969, с. 68.

² См.: Лабзина М. В. О структуре тюркских названий озер и рек Челябинской области. — В кн.: Ономастика Поволжья. Уфа, 1973, вып. 3, с. 368.

³ Казанская история. М.—Л., 1954, с. 66.

⁴ См.: Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием в Московию и Персию... М., 1970, с. 462; Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV—начала XVI века. М., 1974, карта 196; ЦГАДА, ф. 281, оп. 8, д. 11572, л. 91 об. и т. д.

⁵ См.: Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией/Под ред. Н. И. Веселовского. Спб., 1892, т. II, с. 182; Карпов А. Б. Уральцы: Исторический очерк. Уральск, 1911, с. 858; Герлаклитов А. А. История Саратовского края в XVI—XVIII вв. Саратов — Москва, 1923, с. 129.

⁶ См.: Книга Большому чертежу. М. — Л., 1950, с. 140.

ным А. Олеария, там, где позднее был основан Симбирск, на правом берегу Волги, находилась Симбирская гора, ниже по течению — гора Арбухин, далее за ней начинались горы Самарской Луки: Соляные горы — в районе с. Усолье, Девичья гора — сразу за устьем р. Усы, безымянный хребет (Морквашинские горы), на левой стороне Волги — Царев курган, за ним Soccobei (Сокские горы). Сразу после г. Самары, на правом берегу Волги, на 30 верст тянулся еще один безымянный хребет (Шелехметские горы), за ними на 40 верст — Печерская гора, ниже будущей Сызрани — Козацкая гора, Тихая и далее Змеева¹.

Сведения, собранные А. Олеарием, использовал при составлении в 1706 г. своей карты Гийом Делиль. Часть карты, где изображено Среднее и Нижнее Поволжье, в значительной мере можно считать графическим воспроизведением данных А. Олеария².

В документальных источниках второй половины XVII — первой половины XVIII в. в основном только дополняются, конкретизируются сведения, приведенные выше. Дополнительно называют Лысую гору, Морквашинскую, Кабью, Грунину, Винновские горы и т. д.³.

Таким образом, можно предположить, что до середины XVIII в. не существовало единого для всего массива гор Самарской Луки названия. Выделяли только отдельные вершины, отдельные, достаточно крупные, горные гряды — и только. Нигде в документальных источниках, исторической и географической литературе XVIII в. не удается обнаружить такого топонима для гор, как «Жигули». Нет этого названия в изданных во второй половине XVIII в. географических словарях Ф. Полунина и Л. Максимовича⁴.

Впервые термин «Жигулевские горы» встречается в «Путешествии...» П. С. Палласа. Неизвестно, какими источниками пользовался начальник Первой Оренбургской экспедиции⁵. Это название ему могло сообщить местное население Самарской Луки. Возможно и то, что Паллас использовал данные Генерального межевания или «Атласа Российского...» 1745 г., где на карте «Царства Казанского...» на территории Самарской Луки, в районе расположения гор, указаны два поселения — с. Жигулевка и д. Морквashi. Название этих селений путешественник мог перенести на окрестные горы⁶. О том, что топоним «Жигули» не был общепринятым во второй половине XVIII в., свидетельствуют материалы, собранные И. Лепехиным, обследовавшим Самарскую Луку одновременно с П. С. Палласом. И. Лепехин выделяет на севере Са-

¹ См.: Олеарий А. Подробное описание... с. 424—432.

² См.: Рыбаков Б. А. Русские карты... карта 19 б, с. 105.

³ См.: Стрейс Я. Я. Три путешествия. М., 1935, с. 189, 190; Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1954, т. 2, с. 231; Дьяконов М. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Юрьев, 1897, вып. 2, с. 58—60; ЦГАДА, ф. 281, оп. 17, д. 11553, л. 3; оп. 17, д. 11565; л. 66; ф. 281, оп. 16, д. 108396, л. 3—5 и т. д.

⁴ См.: Полунин Ф. А. Географический лексикон Российского государства, или Словарь, собранный Ф. Полуниным. М., 1773; (Максимович Л. М.) Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон..., собранный Львом Максимовичем. М., 1789, ч. 6.

⁵ См.: Паллас П. С. Путешествие..., с. 292.

⁶ См.: Атлас Российской, состоящий... Соб., 1745, карта 9.

марской Луки 2 горных хребта, а именно: Усольские и Рождественские горы¹. Интересно, что оба исследователя переносят на горы названия населенных пунктов, причем такие топонимы, которые появились в данной местности только вместе с возникновением этих поселений. Особенно отчетливо это видно по отношению к топонимам — Рождественские горы, с. Рождество. Достаточно очевидно, что название свое село получило от церкви.

После П. С. Палласа, уже в географическом словаре А. Щекатова (1804 г.), горы на Самарской Луке обозначены как Жигулевские и Маркваские (Жигулевские — от устья р. Усы и до «Марквас горы», а далее — Маркваские)². В словаре С. П. Гагарина (1843 г.) весь массив гор называется Жигулевским или Маркваским³ и только в «Географическо-статистическом словаре....» П. П. Семенова (1865 г.) — Жигулевским⁴. То есть в данном случае мы наблюдаем эволюцию, распространение топонима, впервые введенного в научную литературу П. С. Палласом. У местного населения Среднего Поволжья общее для всех гор название закрепилось, скорее всего, значительно раньше. Например, художники Г. и Н. Чернецовы, совершившие в 1838 г. поездку по Волге, употребляют только одно общее название гор, а именно Жигулевские горы⁵.

Таким образом, исходя из уникальности топонима, судя по его развитию в «Атласах...» и «Географических словарях...» XVIII—XIX вв. и принимая во внимание предложение Палласа, можно предположить, что существовала генетическая взаимосвязь между названиями гор и поселения, что свое название горы получили от одноименного поселения, первые упоминания о котором встречаются уже в документах, относящихся ко второй половине XVII в. Само же с. Жи(е)гулевка было основано между 1660 и 1670 гг. беглыми переселенцами и работными людьми с находившихся неподалеку соляных промыслов⁶. Оно возникло при впадении в Волгу р. Усы у начала основных отрогов горной гряды на Самарской Луке (часть Жигулевских гор, лежащую выше по течению Волги, так называемые Соляные или Усольские горы, в XVII — XIX вв. считали отдельной независимой горной грядой). В конце XVII — начале XVIII вв. это было крупное село, население которого в основном занималось рыбными промыслами. Как правило, сельские поселения в эпоху средневековья получали свое название по имени первопоселенца или владельца, а зачастую и по характерным особенностям местности.

В данном случае, скорее всего, произошло следующее.

¹ См.: Лепехин И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг. ч. I. Спб. 1795, с. 323.

² См.: Щекатов А. Словарь..., т. 2, стб. 489.

³ См.: Всеобщий географический и статистический словарь, т. 2, с. 115.

⁴ См.: Семенов П. Географо-статистический словарь Российской империи, т. 2, с. 221—222.

⁵ См.: Чернецовы Г. и Н. Путешествие по Волге. М., 1970.

⁶ См.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина, М., 1957, ч. II, с. 191.

В 1631 г. значительная часть Самарской Луки (где возникло позднее с. Жи(е)гулевка) была пожалована богатому ярославскому купцу и промышленнику Надею Светешникову, по имени которого и стала называться Надеинским Усольем. Н. Светешников, организовав здесь крупный промысел соли, со всех концов страны начал собирать для работы на нем работных людей. В «Описании» Надеинского Усолья 1646 г. среди населения промыслов был указан бывший «гулящий человек» из Устюга Великого бобыль «Семка Григорьев сын Жегуль». Он поселился в Усолье в 1635 г.¹. Видимо, этот бобыль и его сыновья были одними из первых основателей с. Жи(е)гулевка. В переписных и отказных книгах с. Жи(е)гулевка последней четверти XVII в. встречаются жители с инициалами, по которым можно предположить их родство с. «Семкой Григорьевым»².

Таков вероятный путь появления данного топонима в Среднем Поволжье. Данных в пользу какого-либо другого варианта не обнаружено.

Остается выяснить этимологию слова «же(и)гуль».

Оказывается, что среди русского населения фамилия (или прозвище) с основой «же(и)гуль» в XVI—XVIII вв. получила широкое распространение. В крупнейшем собрании русских средневековых фамилий «Ономастиконе» С. Б. Веселовский приводит ряд таких примеров — Н. Жегуля (Курмыш, 1627 г.), Жегуля Изъединов (Тверь, 1540 г.), Р. Жгуля (Н. Новгород, 1612 г.), А. Жигулев (Тотьма, 1650 г.). Имя «Жигуль» приводит в своем «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. И. Тупиков³. Во многих документальных источниках XVII—XVIII вв. также встречается эта фамилия (или прозвище): Р. Жегулин (Орел, 1652—1654 гг.), Е. Жегульский (Донков, 1675—1676 гг.), Е. Жегульский (1639—1694 гг.), В. Жегулин (1586 г.) и т. д.⁴. Данный ономим использовался в самых различных слоях русского общества по всей территории страны. Это приводит к мысли о существовании в средневековом русском языке (или в одном из его диалектов) какого-то понятия с подобной основой. По мнению специалистов по ономастике и топонимии (А. А. Федосюка, В. А. Никонова), диалектологически такое понятие нигде не зарегистрировано. Как и В. А. Никонов, Ю. А. Федосюк при объяснении происхождения ономима наиболее близкими считает понятия: жигаль — рабочий, углежог; жигала, жигало — зачинщик, плясун, рабочий-углежог⁵. Действительно, ни в крупнейших современных академических словарях, ни в словаре В. И. Даля слов с основой «жи(е)гул» нет. В последнее время были изданы более

¹ См.: ЦГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 253, 1646 г., л. 21.

² См.: Там же, ф. 281, оп. 17, л. 11541.

³ См.: Веселовский С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974, с. 111, 114; Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. Спб., 1903, с. 147—149.

⁴ См.: Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1896, кн. 10, с. 383; М., 1901, кн. 12, с. 452—453; М., 1908, кн. 15, с. 246—247; М., 1910, кн. 16, с. 128—129; ЦГАДА, ф. 127, оп. 1, ч. I, стб. 1586 г. др.

⁵ См.: Федосюк Ю. А. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. М., 1972, с. 73

специализированные словари русского языка. Обратимся к ним. Диалектологический «Словарь русских народных говоров» содержит ряд диалектных понятий с такой основой. Все они фиксировались как употребляемые в живой разговорной речи XIX в., но, несомненно, существовали и раньше.

Во Владимирской губернии (XIX — начало XX в.) слово «жигулистый» означало тонкий длинный прут или худого гибкого высокого человека. (Сломаю-ка я прут жигулистой», «...он такой жигулистой, как тростинка».) Аналогично использовалось это понятие и в Калужской губернии. В Астраханской губернии (первая четверть XIX в.) «жегуличь» означало зябнуть.

Встречается и сам термин «жигуль». Записанный в Архангельской губернии, он означал шалуна, повесу, баловня¹. Таким образом, в самых различных местностях, в различных диалектах употреблялись понятия с такой основой.

В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» приведено слово «жегуля» (женского рода). Этот термин был обнаружен в псковских документах первой половины XVII в.: «Да в Домантове стене в полате: 2 жегули, 9 пищалей ручных, вкладень железной, ломаной». По мнению составителей словаря, «жегуля» означала запальник к огнестрельному оружию². Ближе всего в смысловом значении к понятиям «жегуля», «жигулистой», «жигуль» стоят такие широко распространенные по всей территории страны в XVI—XIX вв. термины, как «же(и)гало» — длинный, тонкий металлический прут, которым прожигали отверстия; «жигал; «жиган» — разбойник, плут, работник-углежог, сухой, поджарый человек и т. д. Вероятно, этимологически слова «жегуля», «жигуль», «жегуличь», «жигулистой», как и предполагают авторы «Словаря русского языка XI—XVII вв.», являются производным от понятий, связанных с огнем, с его использованием — жечь, жгу, прожигать и т. д. В самом деле, лингвисты указывают на генетическое единство таких понятий, как жечь, жеги, жега, жога, жиг, жига, жегала, же(и)гало, жегальник, жигальница, жигуч, жегунок, жигунец, жигать, жигал, жиган³. Во всех этих словах наблюдается чередование в корне гласных е—и. Как раз это и характерно для рассматриваемых ономатопеев и топонимов (Жигули—Жегули, Жигулевка—Жегулевка). В нашем случае формообразующим явился суффикс «ул». Русский язык достаточно богат на формы с данным суффиксом — рогуля, кривуля, косуля, ходуля и т. д.⁴.

Авторы этимологических словарей русского языка при толковании понятия «жечь» находят в древнерусском языке такие формы, как же-

¹ См.: Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 9, с. 97—98, 163—167,

² См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1978, вып. 5, с. 79.

³ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. т. 1, с. 529—537; Словарь русских... Вып. 9, с. 97—99, 163—167, Словарь древнерусского языка... Вып. 5, с. 78—80; Словарь русского языка. М., 1981, т. I, с. 480—483; Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка, М., 1973, т. I, Вып. 5, с. 289 и т. д.

⁴ См.: Обратный словарь русского языка. М., 1974, с. 783—784; Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1980, с. 809.

чи, жегчи, жьгу, жегу. Они-то и лежат в основе всех вышеприведенных терминов. Сама же первоначальная форма — жечь — является по происхождению общеславянской *gegtī*, корень *gēg* — индоевропейского характера. Производные от нее имеются во всех славянских языках¹.

Сделаем некоторые выводы. Согласно предположению, высказанному в статье, слово «же(и)гуль» имеет общеславянское происхождение. Оно получило распространение в феодальной России и как особый термин и как ономим. В основе этой формы лежат такие понятия, как жегу, жиг, жигало и т. д., то есть слова, связанные с использованием огня.

Топоним же, приложенный к горной гряде, возник не ранее начала XVIII в. и является производным от названия одноименного поселения, имя которому дал «гулящий» человек из Устюга Великого «Семка Григорьев сын Жегуль», один из первооснователей деревни.

¹ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967, т. 2, с. 38. Например, в польском языке есть фамилия Жегульский.